

Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения*

Олег Кильдюшов

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

В статье анализируется исследовательская программа Мишеля Фуко, заявленная им в курсах лекций в Коллеж де Франс в конце 1970-х годов и посвященная практикам воздействия на общество со стороны абсолютистского государства в рамках специфического управленческого дискурса (*gouvernementalité*). Во введении ставится рамочный вопрос о недостаточном интересе социологии к конкретно-историческим формам реализации государственной монополии на легитимное насилие и о связанном с этим парадоксом заброшенности в рамках социальной теории таких институтов, как армия и полиция. В первой части статьи рассматривается «имманентная» теория власти Фуко, исходящая из всепроникающего характера отношений господства и подчинения и делающая акцент на микрофизическом измерении властных отношений. Далее обсуждается осуществленный в лекциях «поворот к государству», маркирующий значительную эволюцию взглядов М. Фуко. В основной части реконструируются взгляды Фуко на такие нововременные политические и дискурсивные феномены, как полиция, полицейская наука и «полицейское государство» (*Polizeistaat*). В заключение делается вывод о значительном эвристическом потенциале понятий, разработанных Фуко на материале технологий господства раннего Нового времени как для общей теории модерна, так и для историко-социологической реконструкции русской имперской модернизации XVIII — начала XX века, начиная с попыток Петра I и Екатерины II воздействовать на полицию как технологию управляемого догоняющего развития России.

Ключевые слова: Фуко, микрофизика власти, суверенитет, полицейское государство, управление, дисциплинирование, абсолютизм, насилие

В предисловии к переизданию «Понятия политического» 1963 года Карл Шмитт зафиксировал тенденцию к «исчезновению» государства из мейнстрима послевоенной политической теории: «Эпоха государств заканчивается. Об этом бессмысленно спорить. А вместе с ней — и вся надстройка связанных с государством

© Кильдюшов О. В., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

* Работа написана в рамках исследовательского проекта «Спонтанные и навязанные порядки социальной жизни: модусы взаимодействия и трансформаций», реализуемого в Центре фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ в 2014 году. Она логически и содержательно связана с предшествующей статьей (Кильдюшов, 2013), в которой указывается на приоритет Мишеля Фуко в новом открытии темы полиции для исторической социологии и на релевантность его работ для исследуемого феномена «полицейского государства».

понятий, созданная европоцентристской наукой о государстве и международным правом за четыре века мыслительной работы» (Schmitt, 1991: 10). Сегодня для нас очевидно, что этот печальный пафос утраты был как минимум преждевременен. Хотя понятно, что «внезапное» исчезновение понятия государства из аналитического аппарата многих политических ученых в то время на Западе не могло не тревожить Шмитта, приложившего столько теоретических усилий для обоснования непреходящей ценности государства как уникальной формы мирной организации совместной жизни людей. Ведь для него «государство» являлось не столько концептуальной рамкой, сколько основным субъектом политического, его главной реальностью. С другой стороны, сегодня нам не менее понятно, что подобное изменение аналитической оптики политической науки во второй половине XX века было ответом на изменение самой реальности. Именно поэтому вместо институтов государства и проблем его конституционно-правового развития исследователей все больше стали интересовать индивидуальные и коллективные процессы обсуждения и принятия решения, так называемые «фактические» способы функционирования и «реальное» поведение в политической сфере. В результате подобного смещения фокуса само понятие государства и связанные с ним концепты лишились былой эвристической релевантности: их место заняло понятие *политической системы*¹.

Изменение концептуального языка и уровня анализа политического нашло выражение и в социологическом функционализме, который — вместе с теориями модернизации — начал доминировать в дискурсе социальной науки того времени. При этом данный теоретический конгломерат родился в условиях либерального общества, не имевшего серьезной государственно-бюрократической традиции, что отразилось на самой аналитической оптике: общественное развитие (модернизация) описывалось здесь с помощью таких понятий, как «экономический рост», «структурная дифференциация», «ценностные изменения», «участие» и т. д. (Wehler, 1975: 16).

В это время в США (которые стали рассматриваться в качестве образца современного общества) утвердились представления о произвольном и спонтанном характере общественных процессов, требующих в лучшем случае лишь координации и коррекции. В рамках этого подхода политические системы эпохи модерна представляли в качестве подсистем соответствующих обществ. Считалось, что процесс модернизации в принципе способен разворачиваться без организованного принуждения и тем более применения физического насилия со стороны таких государственных институтов, как армия или полиция. Стоит ли говорить, что катастрофический характер войн XX века, массовое применение политически мо-

---

1. Наряду с названными тематическими изменениями свою роль в вытеснении понятия государства из фокуса социально-теоретических исследований в 1950–1960-е годы сыграло распространение неопозитивистских, бихевиористских и прежде всего функционалистских подходов, в рамках которых неясное и трудноопределимое понятие государства не давало никакой эвристической прибавочной стоимости при анализе политических «процессов» и «систем» (Wehler, 1991: 15).

тивированного насилия идеократическими режимами, различными диктатурами и просто военными хунтами не слишком укладывались в данную схему модернизации как замиряющего процесса. В рамках модернизационно-теоретического подхода подобные «эксцессы» приходилось либо игнорировать, либо интерпретировать в качестве до- и антисовременных «пережитков» (Joas, 1996).

Карл Шмитт, у которого «государство как модель политического единства, государство как носитель самой удивительной из всех монополий, а именно монополии на политическое решение» (Schmitt, 1991: 10) занимало центральное место во всей конструкции политического, мог лишь с удивлением наблюдать за этими попытками не только лишить институционализированное государственное насилие теоретической значимости для анализа политического, но и объявить анахронизмом само суверенное государство современного типа — «этот шедевр европейской формы и западного рационализма» (Ibid.) (Еще в большей степени это касалось знаменитой шмиттовской дихотомии *друг—враг*, принципиально неприемлемой для (функционалистской) теории модернизации, пытавшейся игнорировать сущностную связь между структурным насилием и политикой.) Подобный способ «миротворческого» теоретизирования о современной политике в глазах Шмитта предстал в качестве логического продолжения той либеральной традиции в государственном праве и политической теории, которая изначально обвиняла государство и политику в принуждении, пытаясь нейтрализовать политическое и исключить насилие и войну из нормативного описания Современности в качестве вторичных и архаичных феноменов (Ibid.: 72).

Усиливающиеся сомнения в возможности теорий модернизации адекватно помыслить политическое вне семантического поля, связанного с понятиями государства и осуществляемого им насилия, показали преждевременность попыток распрощаться с этими базовыми понятиями политического словаря эпохи модерна. При этом «ренессанс» теоретического интереса к государству как объекту исследования и к истории его дискурсивных форм был связан не только с концептуальной неспособностью социологического функционализма ответить на все более острую критику со стороны конкурирующих подходов, но и с провалом политики модернизации, осуществлявшейся при поддержке Запада во многих странах третьего мира (Menzel, 1992).

Как пишет немецкий исследователь Вольфганг Кнёбль, специально изучавший роль институтов государственного насилия в процессе модернизации (Knöbl, 1995), подобное представление мейнстрима модернизационных теорий о принципиальной возможности «автоматического» общественного развития, по сути, оказалось контрфактическим: сами современные феномены войн и массового применения насилия сделали неизбежным возвращение исследовательского интереса к государственным структурам как существенным факторам и детерминантам социальных изменений. В любом случае уже тогда многим социальным ученым стало очевидно, что государственные институты и акторы имеют ключевое значение для общественных изменений в эпоху модерна и что независимо от того, как

определяется и концептуализируется понятие «государство» в каждом конкретном случае, государство и находящиеся в его распоряжении средства принуждения (в том числе физического насилия) должны занять более адекватное место при анализе макросоциологических процессов. Таким образом, стало понятно, что уже недостаточно рассматривать государство, его монополию на насилие и фактические формы ее осуществления в качестве неких фоновых или рамочных условий протекания «собственно» политических и социальных процессов. Вместо устоявшихся способов концептуализации государства и его аппарата принуждения, например, в мейнстриме функционалистской социальной науки или в (нео)марксистски ориентированных подходах, которые традиционно подчеркивали насильственный характер осуществляемого от имени государства господства, перед исторической социологией встала принципиально новая теоретическая задача: исследовать государство и связанные с ним феномены внутригосударственного принуждения и насилия в качестве самостоятельного предмета в рамках радикально пересмотренной теории модерна. Для сохранения своего эвристического и диагностического потенциала модернистская парадигма историко-социологической теоретизации нуждалась в очищении от излишне оптимистического пафоса и прогрессистской идеологии, не слишком адекватных при реконструкции реальных исторических процессов, связанных не только и не столько с утверждением «универсалистских ориентаций», сколько с такими малоприятными явлениями, как война или применение мер полицейского принуждения (Ibid.: 19–20).

Именно эти исследовательские и научно-политические задачи более или менее успешно решались в рамках «новой исторической социологии», в центре анализа которой оказалось государство и связанные с ним феномены организованного насилия. Усилиями ряда авторов данного условного направления удалось не только аналитически реконструировать роль государства и его аппарата принуждения при генезисе модерна, но и радикально пересмотреть существовавшие ранее представления о модернизации как целостном, непротиворечивом и ненасильственном процессе. Здесь достаточно назвать труды Э. Гидденса (Giddens, 1985), М. Манна (Mann, 1986, 1993), Ч. Тили (Tilly, 1990) и др. В центре историко-социологического анализа данных авторов находятся в первую очередь такие темы, как возникновение государства современного типа (централизация управления и расширение государственных функций), воздействие государства на протекание общественных процессов, а также влияние межгосударственной конкуренции и насилия на стабильность политических режимов в Новое время (Spohn, 2005).

В этом смысле даже можно констатировать определенный парадокс: несмотря на широкое признание веберовского определения государства как обладателя монополии на применение легитимного физического насилия, социологи относительно поздно заинтересовались исторически-конкретными способами воздействия на общественное развитие со стороны институтов, которые способны убедительным образом угрожать, а в случае необходимости — и применять насилие внутри общества. Хотя благодаря именно этим институтам можно говорить

о шансах на фактическую реализацию государственной монополии на насилие — прежде всего речь идет о таких видах госаппарата, как армия и полиция (Knöbl, 1995: 21).

Тематическое поле, связанное с практиками принуждения и насилия внутри общества, находилось в центре исследовательского интереса Мишеля Фуко, разработавшего собственную оригинальную версию исторической социологии власти-знания и предложившего уникальную оптику анализа дисциплинарных практик господства. Его работы оказали значительное влияние на социально-теоретические дискуссии 1970–1980-х годов². При этом исследовательская программа Фуко в полной мере раскрылась лишь после выхода французского издания его лекционных курсов 1970-х годов и их переводов на основные языки. Это привело к новому всплеску интереса к его теоретическому наследию, прежде всего к понятию «управленчества». Несмотря на несколько абстрактное использование им в лекционных курсах 1977/78 и 1978/79 годов понятия «*gouvernementalité*», последнее было быстро воспринято социальными учеными, что привело к возникновению нового исследовательского направления — *governmentality studies* — сначала в англосаксонском пространстве, а затем и в других культурно-языковых ареалах, например — немецком (Lemke, 1997; Bröckling, Krasmann, Lemke, 2000; Pieper, Rodríguez, 2003; Reichert, 2004).

При этом некоторые исследователи даже указывают на структурное сходство между представлениями Фуко о дисциплинарной власти и взглядами Макса Вебера на современную бюрократию, несмотря на очевидное различие фокуса их научного интереса. Если анализ Вебера был направлен на феномен бюрократии, ставшей носителем идеи и физическим воплощением современного государства и его административных органов, то Фуко редко рассматривал функционирование непосредственно государственных механизмов. Французский мыслитель в своей генеалогии знания, прочитанной с точки зрения теории власти, в основном исследовал государство «симптоматически» — через анализ таких институтов, как тюрьма, больница, школа. Тем не менее оба теоретика выявили новые формы власти, возникающие в результате регламентации, детализации и контроля индивидуальных действий акторов (Гидденс, 2005: 226).

Особое место среди работ Мишеля Фуко о роли структурного насилия в эпоху модерна занимают курсы лекций, прочитанные им в конце 1970-х годов в Коллеж де Франс. Они были посвящены практикам воздействия на общество со стороны абсолютистского государства в рамках идеи «государственного интереса» и возникновению специфического управленческого дискурса (*gouvernementalité*) (Фуко, 2011, 2010). В них он словно отвечает на упреки критиков в игнорировании государства при анализе власти. Именно в этих лекциях французский ученый впервые подробно рассматривает такой политический и дискурсивный феномен Нового времени, как «полицейское государство» (*Polizeistaat*).

---

2. Речь идет прежде всего о сочинении «*Surveiller et punir*» (1975). Русский перевод: Фуко, 1999.

Однако прежде чем обратиться к данному «повороту к государству» в теоретической эволюции Фуко, попытаемся кратко реконструировать его воззрения на повсеместное присутствие власти в общественных отношениях, так сказать, на догосударственном уровне.

Микрофизика власти: господство до государства

Исходным пунктом теории власти у Фуко была критика традиционных представлений о государственной машине, выполняющей в жизни общества ряд функций. Например, в марксистской концепции она представала в качестве аппарата принуждения, поддерживающего в интересах имущих и правящих существующую классовую структуру и обеспечивающего «развитие производительных сил или воспроизводство производственных отношений». Фуко называет подобное понимание государства «упрощенным», фиксируя здесь определенный парадокс: «при чрезмерном внимании к государству» и даже, как он говорит, при «серьезной сосредоточенности в наши дни на вопросах его происхождения, истории и совершенства, вопросах его власти и злоупотреблений этой властью», по-прежнему в ходу «редукционистские» представления о государстве, которые как раз и делают его, с одной стороны, объектом постоянной критики, а с другой — объектом желания. По его мнению,

«государство никогда — ни сегодня, ни в своей предшествующей истории — не представляет собой некую целостную структуру и не обладает ни какой-либо индивидуальностью, ни строгой функциональностью. Оно, я бы сказал, не имеет той значимости, которую ему приписывают. По-видимому, это не более чем композитная реальность и мифологизированная абстракция, так что важность его, судя по всему, сильно преувеличена» (Фуко, 2011: 162–163).

Столь радикальная критика традиционных представлений о государстве приводит его к отказу от эссенциалистской, институционалистской и централистской модели господства: основополагающим для его понимания власти был тезис о том, что власть невозможно раз и навсегда точно зафиксировать в социальном пространстве. В его аналитической перспективе лишена смысла сама идея политической власти, постоянно локализованной в определенном наборе институтов и прежде всего в государственном аппарате (Nonnet, 1989).

Исследуя государственные институты, Фуко анализировал прежде всего техники власти — например, применяемые в больнице, школе или тюрьме. Таким образом, его в первую очередь интересовало не государство как таковое, тем более воплощенное в политических институтах, а общие принципы осуществления того, что он называл дисциплинарной властью. Программным в этом отношении можно считать следующее его утверждение:

«Я не хочу сказать, что государство не важно; я хочу сказать, что властные отношения и, вследствие этого, их анализ должны выходить за рамки государства. Причем в двух смыслах: во-первых, даже государство со всем его всевластием и всеми его аппаратами очень далеко от того, чтобы занять всю сферу властных отношений; во-вторых, само государство может функционировать лишь на основании уже существующих властных отношений. Государство есть надстройка над целым рядом властных сетей, пронизывающих тела, сексуальность, семейные отношения, способы поведения, знания и техники...» (Foucault, 1978: 39).

Таким образом, в отличие от марксистских представлений о государстве как политической «надстройке» над экономическими отношениями, в концепции власти Фуко оно является надстройкой над сетями социальных взаимоотношений господства и подчинения, не имеющих строго определенной институциональной локализации в государственных «учреждениях». Главным понятием фуколдианского анализа власти становится *дисциплина*, формирующая подданных в соответствии с заданными стандартами. Власть у Фуко не привязана к конкретным структурам и способам принуждения: при «микрофизическом» подходе «отправляемая власть понимается не как достояние, а как стратегия»; «воздействия господства приписываются не „присвоению“, а механизмам, тактикам, техникам, действиям»; в ней надо видеть «сеть неизменно напряженных, активных отношений, а не привилегию, которой можно обладать»; «отношения власти проникают в самую толщу общества» (Фуко, 1999: 41).

Стоит ли говорить, что, подчеркивая всепроникающий характер отношений власти и подчинения³, подобная «имманентная» теория власти Мишеля Фуко не позволяет делать базовых различий между действиями институтов государственного принуждения и иными дисциплинарными практиками. В результате в этой теоретической перспективе теряется из виду специфика государственной власти современного типа, поскольку в ней все институты и сферы жизни не слишком дифференцированно рассматриваются в качестве средств и пространств осуществления принудительного господства. В то же время аналитическая оптика Фуко радикально модифицирует саму проблематику структурного насилия и сам предмет исследования: в фокусе его анализа находится не столько физическое насилие⁴ со стороны соответствующих государственных органов, прежде всего — вооруженных сил и полиции, которые применяют или демонстрируют постоянную готовность применить его с целью восстановления нарушенного порядка, а техники дисциплинирования внутри самих институтов. А также проникновение этих властных практик в другие сферы повседневной жизни, что, в свою очередь,

3. Ср.: «Как когда-то у Бергсона, Дильтея и Зиммеля, „жизнь“ была возвышена до трансцендентального основного понятия философии (она стала фоном и для хайдеггеровской аналитики бытия), так теперь у Фуко „власть“ поднимается до трансцендентально-исторического основного понятия историографии, построенной на критике рассудка» (Хабермас, 2003: 264).

4. В сочинении «Надзирать и наказывать» функция пыток исследуется очень подробно, но в основном для противопоставления «суверенных» практик практикам дисциплинарным.

позволяет ему объяснить стабилизацию социального порядка в утверждающемся буржуазном обществе. Конечно, нарисованная Фуко картина функционирования дисциплинарных механизмов зарождающегося модерна очень далека от идиллического образа модернизации, представавшей в упомянутых выше модернизационных теориях в виде процесса вытеснения в современных обществах прямого физического насилия. Тем не менее подобный подход — уже по технико-теоретическим причинам — также не позволял продуктивно включить в изучаемую проблематику уникальный европейский феномен государства Нового времени (Knöbl, 1995: 22–23).

В этом смысле исследовательская оптика Фуко не давала возможности теоретически специфицировать способы функционирования собственно государственной власти, поскольку для него власть диффузно рассеяна почти по всем жизненно важным общественным сферам, а не сосредоточена исключительно в институтах государства. Более того, по мнению некоторых исследователей его теоретического наследия, в рамках подобной имманентистской концепции власти невозможно никакое каузальное объяснение появления и распространения осуществляемых в государственных институтах дисциплинарных техник через их соотнесение с конкретными историческими процессами. Эти дисциплинарные техники просто необходимы в рамках «некаузального параллелизма» фуколдианской схемы для объяснения эффективности контроля над постоянно растущим населением (Dreyfus, 1987: 165)⁵.

Таким образом, несмотря на открытие новых эвристических возможностей, методологический подход Фуко, делающий акцент на микрофизическом измерении властных отношений, вызывает значительные теоретические трудности при попытке историко-социологической реконструкции процессов утверждения и дальнейшего развития собственно государственной инфраструктуры организованного насилия, ставшего важнейшим фактором общественной модернизации европейских стран в Новое время.

Изменение оптики: управленчество

В своих поздних работах и особенно в лекциях 1977/78 и 1978/79 годов Фуко впервые обращается непосредственно к государству как (ф)актору европейского модерна⁶. Но и в них в центре его анализа находятся не конкретные государствен-

---

5. Авторы данного исследования даже выражают сомнения в заинтересованности Фуко в историческом объяснении, поскольку в его конструкции «постоянные проявления власти не являются ни результатом действий субъектов, ни простой агрегацией отношений; само их возникновение не связано ни с каким однозначно идентифицируемым историческим развитием» (Dreyfus, 1987: 138).

6. Уже в лекциях 1975/76 года Фуко обращает внимание своих слушателей на появляющуюся в XVIII веке принципиально новую — регулятивную — технологию власти, отличную от дисциплинарных техник, находившихся в центре его внимания в предшествующие годы: «Новая техника не уничтожает дисциплинарной техники просто потому, что находится на другом уровне, на другой ступени, у нее другая основа, и она пользуется совсем другими инструментами» (Фуко, 2005: 256).

ные институты и практики, а политико-дискурсивные формации, возникшие в западных странах при их переходе к Новому времени:

«Я не изучал и не хочу изучать реальную управленческую практику, такую, какой она развивалась, определяя там и тут ситуацию, подлежащую разрешению, возникающие при этом проблемы, избираемые тактики, используемые, создаваемые вновь или модифицируемые инструменты и т.д. Я хотел изучить искусство управлять, т.е. продуманный способ наилучшего управления и вместе с тем рефлексия о наилучшем способе управлять из всех возможных. Другими словами, я пытался выявить инстанцию рефлексии в практике управления и о практике управления» (Фуко, 2010: 14).

Для обозначения выявленной властной стратегии Фуко использует неологизм «*gouvernementalité*» («управленчество»), обыгрывающий соединение правления и ментальности в одном дискурсе для выражения характерного для власти в современную эпоху (т.е. начиная с XVIII века) типа категоризации и ее специфического способа распоряжаться людьми и вещами⁷. Это понятие было введено им в конце лекции от 1 февраля 1978 года. Таким образом, уже во время четвертой лекции курса «Безопасность, территория, население» Фуко смещает фокус своего познавательного интереса на управленческий дискурс государства Нового времени, который будет играть важную роль в его последующих размышлениях о феномене власти.

Согласно реконструкции Фуко, в XVI–XVII веках классическая суверенная власть феодальной эпохи вместе с осуществляемым церковью христианским пастырством человеческих душ были сокрушены в результате Реформации и последовавших религиозных войн. Тридцатилетняя война окончательно разрушила веками вызревавшую форму социального порядка. Симптомом этого состояния общественного упадка Фуко считает бум трактатов, посвященных искусству государственного управления и направленных на интеграцию общества, на учреждение нового порядка и прежде всего на рост продуктивности населения, занятого в ремесле, торговле и сельском хозяйстве. Средством достижения этих целей было соединение государственного суверенитета и техники пастырской заботы (Фуко, 2011: 134–135).

По сути, именно здесь у Фуко впервые наметилось серьезное тематическое и методологическое изменение исследовательской программы, реализованное в последующих курсах: помимо тематического ряда «тело — организм — дисциплина — институты», теперь в фокусе его анализа оказывается ряд «население — биологические процессы — регулирующие механизмы государства» (там же: 264).

7. «В свете того, чем бы я хотел заняться теперь, курс, по-видимому, предстает таким образом, что, если бы мне действительно хотелось дать ему более точный заголовок, я назвал бы его историей «управленчества» (Фуко, 2011: 161). К сожалению, предложенный в русском переводе лекций вариант передачи *gouvernementalité* как «управленчества» не сохраняет этимологических корней данной лексической инновации Фуко. Более удачным, хотя и более громоздким вариантом нам представляется «правительственная ментальность» или «управленческий менталитет». Так, например, в Германии именно в таком значении утвердилось понятие «*Gouvernementalität*». См., например: Krasmann, 2007.

Если раньше политическая власть контролировала тела, а духовная — души подданных, то новое гуверnementалистское искусство управления объединяло обе задачи, осуществляя надзор над душой и телом человека — гражданином нового буржуазного общества. Его целью было сформировать новых субъектов, которые — в силу «собственных» убеждений и морали — стремятся к повышению благосостояния и продуктивности своего труда, что приносит пользу для государя, его территории и самого населения. Фуколдианская «критика гуверnementалистского разума» показывает, что управление, в отличие, например, от теории суверенной власти в «Левиафане» Томаса Гоббса, уже не может ограничиваться одним лишь рациональным страхом подданных, а пытается структурно и содержательно определять когнитивную рамку для мышления субъектов, ставших объектами регуляции со стороны государства эпохи модерна.

При этом Фуко использует понятие «управленчество» в чрезвычайно широком смысле, описывая с его помощью объекты и предметы довольно различного уровня: 1) «совокупность институтов, процедур, анализов и рефлексий, расчетов и тактик», с помощью которых осуществляется специфически нововременная власть, главной целью которой отныне является не только и не столько суверенитет над территорией, сколько биополитический контроль над населением; 2) тенденцию, которая обусловила доминирование на Западе «того типа властных отношений, который можно назвать „управлением“, над суверенитетом и дисциплиной», и привела к появлению, «с одной стороны, целого ряда специфических учреждений управления, а с другой — целой категории особых знаний» (Фуко, 2011: 161–162); 3) «процесс, или, скорее, результат процесса, в рамках которого государство, бывшее в Средние века государством юстиции и ставшее в XV и XVI веках государством административным, постепенно оказывается государством „оправительственным“» (там же)⁸.

«Управленчество» — хотя иногда в лекциях Фуко говорит просто об «управлении» — означает соединение техник индивидуального (само)контроля и институционализации внешнего господства. Это существенное изменение технологий власти в XVIII веке впервые фиксируется им уже в лекционном курсе 1975/76 года «Нужно защищать общество»: старая модальность княжеского суверенитета «оказалась недостаточной для управления экономикой и политическими процессами в обществе, переживающем демографический взрыв и индустриализацию», поскольку «от старой механики суверенной власти слишком многое ускользало» (Фуко, 2005: 263).

---

8. Примечательно, что в работе «Легальность и легитимность» (1932) Карл Шмитт среди основных видов политических образований, помимо «законодательного государства» и «государства правосудия», называет «государство правительства» или «государство управления» — «в зависимости от специфического вида конкретного проявления окончательного решения и последней инстанции („*dernier resort*“)» (Шмитт, 2013: 219–221). При этом по данным Мишеля Сенеяра, публикатора лекций М. Фуко, тот лишь однажды ссылается в своих работах на Шмитта — на «Теорию партизана» в одной из рукописей 1979 года (Сенеяр, 2011: 508–509).

Появление новых классов социальных объектов потребовало создания «сложных органов координации и централизации» для управления «биосоциологическим процессом, касающимся человеческих масс», т.е. населением. Речь идет о дополнительном по отношению к традиционному, дисциплинарному контролю индивидуальных тел уровне — регуляции биосоциальной жизни с помощью государства. При этом Фуко не противопоставляет дисциплинарные техники власти над отдельными органическими телами и государственную регуляцию целостного политического тела, поскольку «формы дисциплины имеют тенденцию выходить за институциональные рамки» и «легко принимают государственные масштабы в таких институтах, как, например, полиция, которая представляет собой одновременно дисциплинарный и государственный аппарат» (Фуко, 2005: 264).

К этому амбивалентному определению полиции у Фуко мы вернемся ниже. Сейчас же зафиксируем важную идею о появлении новой социальной феноменологии, ставшей объектом подобной регуляции. Например, город Нового времени⁹, сама топология которого является реализованной утопией «согласованного пространственного расположения» людей и вещей. Как замечает в этой связи А. Ф. Филиппов, в европейских языках, включая английский и французский, до сих пор существует понятие «полицированный»¹⁰, т.е. упорядоченный, урегулированный: в XVIII веке, когда в слове «полиция» еще отчетливо слышался «полис», такое упорядочивание понимали как хорошее городское состояние (Филиппов, 2012: 328–340). Именно поэтому «урбанизация» у Фуко предстает как упорядочивание всей государственной территории по образцу города. При этом, говоря о сочетании дисциплинарных и регулятивных механизмов в городе раннего модерна, Мишель Фуко произносит на первый взгляд довольно странную фразу о «спонтанном полицейском контроле, который осуществляется в силу самого пространственного расположения города» (Фуко, 2005: 264).

Таким образом, Фуко меняет теоретическую перспективу: теперь на первый план выходит новоевропейское государство, к которому применяется оптика, с помощью которой он ранее рассматривал дисциплинарные практики, пытаясь уйти от институционалистского и функционалистского понимания власти. Программным здесь можно считать следующий вопрос:

«Нельзя ли рассмотреть государство Нового времени в рамках некоей общей технологии власти, ответственной за его преобразование, за его развитие и функционирование? Нет ли оснований говорить об „управленчестве“, вы-

---

9. «Но если посмотреть, каковы на самом деле были эти различные объекты, которые определялись как имеющие отношение к практике, к вмешательству полиции, а также и к теории полиции, то первым делом следует отметить, что это были объекты, по существу, городские. Городские в том смысле, что некоторые из этих объектов существуют только в городе и только потому, что существует город... Скажем в итоге, что полиция является, по существу, городской и торговой, или также, если говорить более грубо, что полиция — это институт рынка в самом широком смысле» (Фуко, 2011: 434).

10. В XVIII веке у таких авторов, как Монтескье, Вольтер, Кондилья и Руссо, понятие «nation policée» было синонимом «цивилизованного» состояния. Ср. у Руссо дихотомию *homme naturel/homme policé*. Благодарю Е. Н. Блинова (PhD, Университет Тулузы-2) за это и другие ценные замечания.

ступающем по отношению к государству тем же, чем для психиатрии были техники сегрегации, для уголовной системы — дисциплинарные техники, а для медицинских институтов — биополитика?» (Фуко, 2011: 178).

По сути, речь идет о попытке с помощью понятия «*gouvernementalité*» расширить предметное поле, т. е. ввести историко-макросоциологическую проблематику государства, оставаясь в методологических рамках микрофизики власти. Примечательно, что публикатор и интерпретатор курсов лекций Мишель Сенеляр, признавая столь явный поворот исследовательского интереса к государству «ответом на часто адресовавшиеся Фуко упреки в игнорировании государства при анализе власти», тем не менее настаивает на том, что аналитическая решетка, связанная с понятием «управленчества», методологически не являлась разрывом с предшествующими работами, а лишь «вписала их результаты в пространство, открытое проблемой биовласти» (Сенеляр, 2011: 499–500)¹¹.

Сам Фуко в лекционном курсе 1978/79 года «Рождение биополитики» следующим образом объясняет методологический смысл произошедшего ранее тематического поворота:

«...то, что я предложил назвать управлением, т. е. тем, что управляет поведением людей, есть не что иное, как установление сетки для анализа этих властных отношений. Таким образом, речь шла о том, чтобы описать понятие „управление“, а во-вторых, о том, чтобы выяснить, насколько действенным можно признать использование сетки управления при анализе управления поведением сумасшедших, больных, преступников, детей; насколько она действительна, когда речь идет о феноменах совсем иного масштаба, таких, например, как экономическая политика, руководство социальным телом и т. п. Что я хотел сделать (такова была цель исследования), так это посмотреть, в какой мере можно считать, что анализ микровласти, или процедур управления, не ограничивается определенной областью, задаваемой сектором шкалы, но должен признаваться лишь точкой зрения, методом дешифровки, который может быть пригодным для всей шкалы, какой бы ни была размерность. Иначе говоря, анализ микровласти — это не вопрос масштаба или сектора, это вопрос точки зрения. Вот так. Таково, если угодно, методическое соображение» (Фуко, 2010: 239).

А вот как оценили произошедший «поворот к государству» его непосредственные свидетели из числа слушателей в Коллеж де Франс, ожидавшие в рамках читавшегося в 1977/78 учебном году курса «Безопасность, территория, население» развития и углубления анализа, намеченного в предшествующих лекционных курсах и книгах, прежде всего — в «Воле к знанию». Как пишет его биограф Джеймс Миллер, Фуко предсказуемо начал с разговора о безопасности и биополитике, но

11. Ср.: «Было бы поэтому неточным утверждать, что понятие «управление» заменяет с этого момента понятие „власти“... Сдвиг от „власти“ к „управлению“ в курсе 1978 года направляется не пересмотром методологических рамок, а их распространением на государство — новый объект, которому в анализе дисциплинарных практик не было места» (Сенеляр, 2011: 499–500).

затем, вскоре после начала курса, внезапно остановился. В подтверждение Миллер приводит слова одного из коллег Фуко, вспоминая позднее о том, что курс развивался не так, как предполагалось: «Когда начались его лекции, никто не мог предвидеть, что его тема станет совершенно иной. <...> Он не мог продолжать. Было ясно, что проблематика биополитики для него осталась позади — она была закончена. Его подход изменился. Но он все еще не знал, куда он идет» (цит. по: Миллер, 2013: 410).

Таким образом, историко-социологический интерес Мишеля Фуко в конце 1970-х годов смещается в сторону изучения возможности правления, предоставляющего населению максимальную социально-экономическую свободу и одновременно применяющего новые административные и полицейские техники, которые затрагивают «саму природу индивида»¹².

С помощью понятия «управленчество» Фуко пытается исследовать правительственную рациональность и социально-политическую программу раннего модерна на широком историческом материале — от развития идеи суверенного государственного интереса эпохи абсолютизма вплоть до возникновения либерального искусства правления. Эта новая управленческая рациональность связана с идеей государственного интереса: если еще Макиавелли в основном интересуется то, что поддерживает и усиливает связь государя и его государства, то в рамках дискурса *raison d'État* новое искусство правления является стратегией не столько усиления силы или безопасности конкретного правителя, сколько сохранения мощи самого государства в жесткой конкуренции с другими воинственными территориальными государствами. Это возможно лишь при условии управления согласно рациональным законам, соответствующим природе государства. Для приумножения же наличных сил и средств государства необходимо их изучать посредством «политической арифметики», т. е. статистики. Именно поэтому Фуко интересуется нашедшее отражение в названии первого курса лекций и имевшее значительные исторические последствия смещение фокуса внимания европейских правительств XVIII века с «территории» на «население»: отныне правительственная забота была направлена не только на сохранение территориальной целостности государства, но и на собственное население, которое из анонимной массы становится четко фиксируемой во времени и пространстве величиной. Более того, его количество и качество становятся интегральным показателем успешности любого управления¹³.

12. Уже в работе «Надзирать и наказывать» полиция выступает в качестве жизненно необходимого элемента при формировании нового либерального режима. Согласно Фуко, свобода в либеральном обществе имеет свою оборотную сторону — жесткую и даже жестокую (само)дисциплину, которая господствует в социальном пространстве нового общества. Дисциплинарные сети охватывают все основные институты образования, медицины и попечения, производства и т. д. Дисциплина формирует нормированные души, становящиеся «тюрьмой тел». В этом смысле свобода и принуждение внутри современного общества не просто тесно переплетены друг с другом, но каузально и логически даже необходимы друг для друга: без дисциплины невозможно накопление капитала, без которого, в свою очередь, невозможен экономический рост, выполняющий легитимирующую функцию (Фуко, 1999: 323–324).

13. Фуко цитирует аббата Флери, писавшего о том, что «протяженность земель ничуть не влияет

Таким образом, «население» — исторически относительно недавнее изобретение. Оно впервые появляется в политическом дискурсе модерна вместе со статистикой¹⁴ и социальной наукой Нового времени в самом широком понимании, что видно по этимологическим связям между ними¹⁵. В этом смысле можно говорить об изменении принципов искусства управления: если суверенная власть предшествующей, феодальной эпохи фокусировалась на заботе о самой себе, то современное «биополитическое» правительство печется о благополучии и росте населения.

Ключевую роль в этом процессе попечения играла такая специфически нововременная технология управления, как полиция. Если армия и дипломатия позволяли поддерживать баланс между государствами в Европе, то полиция охватывала население, во-первых, статистически, а во-вторых — регулировала его социально-экономическую активность. Еще в XVIII веке понятие «полиция» означало состояние доброго порядка в обществе, при котором гражданин или подданный ведет себя добропорядочно, нравственно и честно и при котором совместная жизнь людей упорядочена и нормирована. При этом полицейское состояние связано как с установлением и поддержанием общественного порядка и покоя, так и с регулированием благополучия и даже счастья индивидов. Применение полицейских мер было направлено не только на достижение доброго порядка, в котором были бы гарантированы достаток и процветание населения, но и на создание эффективной экономической модели, в рамках которой каждый отдельный человек мог бы максимально развить свои способности и тем самым внести свой вклад в рост богатства «своего» государства. Таким образом, важнейшей задачей полицейской технологии власти раннего Нового времени было способствовать самореализации индивидов, ставших для государства важным элементом их могущества (Kne Meyer, 1967: 155; цит. по: Chiang, 2003: 102).

Рассмотрим подробнее полицию как технологию власти и ее место в конструкции нововременного государства, анализируемой в лекционных курсах Мишеля Фуко конца 1970-х годов.

на величие государства, но влияет плодovitость и количество людей. Голландия, Московия, Турция, в чем различие? Пустынные земли вредят торговле и правительству. Лучше 500 000 человек на небольшом пространстве, чем миллион рассеянных: земля Израиля» (Фуко, 2011: 419–420).

14. «Статистика становится необходимой благодаря полиции, но благодаря полиции она становится также и возможной. Так как это совокупность методов, внедряемых для обеспечения роста сил, для того чтобы их комбинировать, их развивать, это вся в целом административная совокупность, которая позволяет определить в каждом государстве, в чем заключаются силы, где имеются возможности развития. Полиция и статистика обуславливают друг друга, и статистика является общим инструментом и для полиции и для европейского равновесия. Статистика — это знание государства о государстве, понимаемое как знание государства о самом себе» (Фуко, 2011: 410).

15. Слово «статистика» происходит от латинского *statisticum* («относящееся к государству»). Понятие введено в 1749 году Готфридом Ахенваллем в качестве названия научной дисциплины о государстве, вполне в современном смысле опирающейся на количественные (цифровые) данные (Stolleis, 1988: 316).

Полиция, полицейская наука и полицейское государство

Полиция занимает у Фуко ключевое место в рамках изменившейся сетки анализа власти¹⁶. В лекционном курсе 1977/78 года в Коллеж де Франс классическому пониманию полиции как «совокупности средств, необходимых для внутреннего приумножения сил государства» специально посвящены лекции 12-я и 13-я (от 29 марта и 9 апреля 1978 года). В них термин «полиция» используется очень широко — под нею понимается один из модусов реализации государственного интереса (*raison d'État*), а не конкретное учреждение государства Нового времени: «С XVII в. начинают называть „полицией“ совокупность средств, которыми можно способствовать росту сил государства, поддерживая строй этого государства. Иными словами, полиция — это расчет и техника, позволяющие установить мобильное, но, несмотря на это, стабильное и контролируемое отношение между порядком в государстве и ростом его сил» (Фуко, 2011: 406–407).

В рамках доктрины «управленчества» полиция является силой, регулирующей поведение населения внутри страны, тогда как дипломатия и армия предназначены для внешней стабилизации государства — в рамках так называемого «европейского концерта»:

«Полиция также является... определенным способом обеспечить максимальный рост сил государства, одного государства, сохраняя его строй. В одном случае речь идет о том, чтобы сохранить — и это главная цель — равновесие независимо от роста государства, и это проблема европейского равновесия; проблемой полиции будет: как, полностью сохраняя порядок в государстве, сделать так, чтобы его силы максимально росли» (Фуко, 2011: 408).

Полиция является типично «современной» технологий власти. И хотя и до эпохи модерна ни одна система политического господства не могла опираться исключительно на насилие, в результате общественной модернизации XVII–XVIII веков прямое принуждение перестало быть основной формой реализации власти, став «лишь одним из элементов наряду с другими, обладающими функциями побуждения, усиления, контроля, надзора, умножения и организации сил, которые власть себе подчиняет — власть, предназначенная скорее для того, чтобы силы производить, заставлять их расти и их упорядочивать, нежели для того, чтобы ставить им заслон, заставлять их покориться или их разрушать» (Фуко, 1996: 239).

---

16. Мишель Фуко и ранее рассматривал институт полиции в качестве важного компонента своей исторической социологии власти. Впервые о полиции он говорит еще в «Рождении клиники» (1963): Фуко, 1998. А в сочинении об истории тюрьмы «Надзирать и наказывать» (1975) полиция играет ключевую роль в аналитике дисциплинарной власти. Ср.: «...полиция в XVIII веке добавляет к своей роли помощницы юстиции в преследовании преступников и инструмента для политического контроля над заговорами, оппозиционными движениями и бунтами дисциплинарную функцию. <...> она раскидывает между многочисленными дисциплинарными институтами (фабриками, армиями, школами) промежуточную сеть, действующую там, где они не могут действовать, и дисциплинирующую недисциплинарные пространства» (Фуко, 1999: 314–315).

В концепции Фуко город Нового времени и его инфраструктура являются

«предпосылками полиции. Город и дорога, рынок и дорожная сеть, снабжающая рынок. Отсюда тот факт, что полиция в XVII и в XVIII веках осмысливалась, в сущности, в терминах того, что можно назвать урбанизацией территории. Речь, по сути дела, шла о том, чтобы создать из королевства, создать из всей его территории что-то вроде большого города, сделать так, чтобы территория управлялась как город, по образцу города и так же совершенно, как город» (Фуко, 2011: 435).

Феномен полиции Нового времени исторически связан с меркантилизмом и капитализмом:

«Полиция и торговля, полиция и городское развитие, полиция и развитие всех видов рыночной деятельности в широком смысле, все это образует единое целое, весьма важное, как я считаю, в XVII веке и в начале XVIII века... город-рынок становится моделью государственного вмешательства в жизнь людей, я считаю, что это основополагающий факт XVII столетия, во всяком случае основополагающий факт, характеризующий рождение полиции в XVII веке» (Фуко, 2011: 437–438).

На конкретно-историческом материале Фуко выявляет почти безграничный «функционал» нововременной полиции, отвечавшей не только за безопасность, но и за практически все сферы социальной и хозяйственной жизни, превратившиеся в предмет полицирования. Более того, предметом ведения полиции было даже счастье подданных. Как говорит Фуко, здесь полиция сталкивается с самой с жизнью: «То, что таким образом охватывает собой полиция, — это огромная область, о которой можно сказать, что она простирается от жизни до чего-то большего, чем жизнь» (Фуко, 2011: 423).

Такое расширительное толкование полиции позволяет говорить о «полицейском государстве», *Polizeistaat*, которое не имеет никакого отношения к произволу и политически мотивированному насилию.

«То, на что нацелена полиция, — это деятельность человека, но деятельность человека как имеющего отношение к государству. <...> Что характерно для государства полиции, что вызывает у него интерес, так это то, что делают люди, это их деятельность, их „занятия“. Цель полиции — это контроль и ответственность за деятельность людей в той мере, в какой эта деятельность может составлять особый элемент в развитии сил государства. Я полагаю, что здесь мы оказываемся в самом центре того, что составляет организацию государства, которое немцы называют полицейским государством...» (Фуко, 2011: 418).

В целом понятие полиции соотносится с государством всеобщего блага XVIII века или исторически первым «социальным государством», каковым выступало

государство полицейское. Именно «Policey» стала основным инструментом «губерненталистского разума» XVIII века в смысле науки об управлении: в отличие от сегодняшней, классическая полиция и надзирала, и заботилась обо всех сферах жизни подданных. Посредством полиции абсолютистская политика отныне затрагивала не только высшие слои феодальной системы, но вмешивалась в мельчайшие вопросы социально-экономической практики, включая повседневные вопросы. Типичными теоретиками полицейского государства были Самуэль Пуфендорф, Кристиан Томазий, Кристиан Вольф и Готтлиб фон Юсти¹⁷, которые разработали новые модели государственного управления, пришедшие на смену «государецентричным» идеям Т. Гоббса и Н. Макиавелли (Stolleis, 1988).

Рассказывая историю академизации полицейской науки, Мишель Фуко подчеркивает уникальную роль немецких университетов в этом процессе:

«В Германии университеты становились местами одновременно и для образования этих администраторов, которые обязаны были обеспечить развитие сил государства, и для размышлений над техниками, используемыми для роста сил государства. Отсюда тот факт, что в немецких университетах... развивается нечто такое, что практически не имеет эквивалента во Франции и что представляет собой *Polizeiwissenschaft*, науку о полиции. Эта наука о полиции, которая с середины, в крайнем случае, с конца XVII века и до конца XVIII века, является безусловно немецкой специальностью, затем распространится по всей Европе и будет иметь весьма важное влияние» (Фуко, 2011: 413).

Суммируя свои впечатления от трактатов по полицейской науке, Фуко говорит о тотальной регуляции поведения подданных, являвшейся сутью полицейского управления. Между тем спорным является вопрос о том, действительно ли власть в абсолютистском полицейском государстве оказывала такое тотальное воздействие на всех и каждого индивида в отдельности, как утверждают нормативные тексты эпохи текстов. Так, например, Герхард Ойстрах придерживался иного мнения по этому поводу:

«Абсолютистская администрация не знала никакого полного „охвата“ нивелированного массового общества вплоть до семейной жизни, она не вторгалась в целостность частной жизни индивида, она не обладала жесткой волей и соответствующими ей возможностями для управления мнениями и настроениями в смысле единой официальной государственной идеологии. О тотальном контроле общественной и личной сферы со стороны абсолютистского государства не может быть и речи. Еще в 1935 такой исторически искушенный социолог, как Карл Маннгейм, высказал следующее независимое суждение: „Абсолютизм не был тоталитарен. Чаще всего у него просто не

---

17. Ср.: «...у немца, которого звали фон Юсти и который в „Общих началах полиции“ в середине XVIII века дал такое определение полиции: это совокупность „законов и правил, касающихся внутренней жизни государства и стремящихся укрепить и увеличить могущество этого государства, стремящихся достичь правильного использования его сил“» (Фуко, 2011: 408).

было средств для господства над всеми сферами жизни всех жителей соответствующей территории» (Oestreich, 1969: 180; цит. по: Chiang, 2003: 106).

В абсолютистском государстве население оказывается под воздействием трех различных модусов власти: централизующего суверенитета, индивидуализирующей дисциплины и регулирующего управленчества. В это время оно начинает рассматриваться в качестве фактора мощи государства¹⁸, а его рост — средством ее усиления. В рамках меркантилистски ориентированной политики население понимается как источник богатства и поэтому становится предметом заботы и упорядочивания (полицирования).

В этом смысле можно даже говорить о «полицизации» аппарата господства в абсолютистском государстве. При этом Фуко называет регулярно вмешивающуюся полицию

«постоянным государственным переворотом, который осуществляется, который разыгрывается во имя своей собственной рациональности и в зависимости от нее, не подражая и не используя в качестве образца правила юстиции, которые, между прочим, уже существуют. Таким образом, самобытная в своем функционировании и в своем главном принципе, полиция самобытна и в модальностях своего вмешательства» (Фуко, 2011: 439)¹⁹.

Как показывает Фуко, к моменту падения «Старого режима» аппарат управления со столь неопределенными функциями уже не справлялся с давлением со стороны новой экономической рациональности, связанной с индустриализацией и ускоренным развитием капитализма. Пришедшие ему на смену новые технологии власти существенно ограничили полномочия государства, в результате чего

«распадается эта великая, если угодно, сверхрегламентирующая полиция. <...> С одной стороны, мы имеем целый ряд механизмов, которые зависят от экономики, которые зависят от управления населением и которые будут иметь функцию содействия росту сил государства, а затем, с другой стороны, определенный аппарат или определенное количество инструментов, которые обеспечат, чтобы беспорядки, нарушения, беззакония, преступления встречали на своем пути препятствия или чтобы их устраняли. <...> Упорядоченный рост и все положительные функции будут обеспечиваться целым рядом институтов, аппаратов, механизмов, а устранение беспорядка — будет функцией полиции. И внезапно понятие полиции совершенно разлагивается, отходит на второй план и принимает тот чисто негативный смысл, который нам известен» (Фуко, 2011: 455–456).

18. «Полиция — это то, что должно обеспечить величие государства» (Фуко, 2011: 407–408).

19. Интересную идею в развитие данной мысли о принципиально внеправовом характере полицейских мер высказал А. Ф. Филиппов: принимая решение о вмешательстве в ход событий, любой полицейский всякий раз находится в «серой зоне», которая никогда не может быть предусмотрена и точно описана никакими законами и уставами. На первый план здесь выходит проблема полицейской категоризации ситуаций: что является достаточным поводом для принятия полицейских мер. См.: <http://slon.ru/calendar/event/1105101/>

Новая полиция, т. е. полиция в современном — узком — смысле слова, больше не занималась ни статистическим учетом, ни социальным попечением, ни стимулированием хозяйственной деятельности населения, ни какой-либо иной деятельностью в рамках собственной позитивной программы. Отныне вся ее активность была направлена на поддержание рамочного социального порядка, понимаемого как правовой. Одним словом, в буржуазном *правовом государстве*, пришедшем на смену *государству полицейскому*, полиция — это «просто» полиция...²⁰

Заключение

Опыт исследований Мишеля Фуко в области исторической социологии власти-знания показал невозможность игнорировать — как на тематическом, так и на методологическом уровне — такой структурообразующий феномен модерна, как государство в его современном понимании, и такие базовые институты, как полиция.

В аналитической оптике Фуко, полиция как технология господства функционирует на стыке дискурса «управленчества», дисциплинарных техник и теории государственного суверенитета. Для него это не просто аппарат власти в руках суверена, пытающегося воздействовать на подданных посредством надзора и контроля, но также технология власти, позволяющая регулировать экономическое поведение населения²¹.

Фуко убедительно показал, что история классического полицейского государства тесно связана с социально-экономической историей раннего модерна. Именно в это время в Европе формируется политэкономическая рациональность, связанная с новым объектом регуляции — населением. Поэтому полиция являлась не просто дисциплинарным или тем более карательным органом, подавляющим права и свободы граждан, а (прото)либеральным механизмом, способствовавшим устойчивому экономическому росту: «Правильное использование сил государства — это цель полиции» (Фуко, 2011: 408).

Анализ дискурса «управленчества» позволил Мишелю Фуко выявить новую форму рациональности, типичную для государственной власти Нового времени. И хотя очевидно, что предложенная Фуко оптика исследования государства вызывает множество вопросов как содержательного, так и методологического свойства, в то же время не менее очевиден ее значительный эвристический потенциал для анализа техник политического господства современного типа. В том числе применительно к опыту русской имперской модернизации XVIII — начала XX века, на-

---

20. И в этом смысле полиция повторяет путь церкви в Новое время, которая в буржуазном правовом государстве также стала «просто» церковью, то есть перестала учить, лечить, администрировать и т. д.

21. Примечательно, что в списке из свыше 300 исследований теоретического наследия М. Фуко, приведенном А. В. Дьяковым в качестве приложения к биографии мыслителя, ни одно непосредственно не связано с темой полиции (Дьяков, 2013: 646–661).

чая с попыток Петра I и Екатерины II²² задействовать полицию как технологию управляемого догоняющего развития России.

Сегодня — когда мы знаем, что стратегически эти попытки полицирования провалились — историко-социологическая реконструкция этого неудавшегося институционального, технологического и, самое главное, дискурсивного трансфера может значительно обогатить наши представления о русском полицейском государстве²³ в общеевропейской перспективе теории модерна.

Полицейско-теоретические интуиции М. Фуко могут также оказаться ценным эвристическим инструментом расширения репертуара концептуальных описаний всех последующих попыток установления в нашей стране навязанных социальных порядков, включая нынешнюю.

Литература

- Гидденс Э. (2005). Устройство общества: очерк теории структуриации / Пер. с англ. И. Тюриной. М.: Академический проект.
- Дьяков А. В. (2013). Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя.
- Кильдюшов О. В. (2013). Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. Т. 12. № 3. С. 9–40.
- Миллер Дж. (2013). Страсти Мишеля Фуко / Пер. с англ. Л. Володиной, Е. Лисовской. Екатеринбург: Кабинетный ученый.
- Сенельер М. (2011). Контекст курса // Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977/78 учебном году / Пер. с франц. Н. В. Сулова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука. С. 475–511.
- Филитов А. Ф. (2012). Полицейское государство и всеобщее благо: к истории одной идеологии. Статья первая // Отечественные записки. № 2. С. 328–340.
- Фуко М. (1996). Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с франц. С. Табачниковой. М.: Касталь.
- Фуко М. (1998). Рождение клиники / Пер. с франц. А. Ш. Тхостова. М.: Смысл.
- Фуко М. (1999). Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem.
- Фуко М. (2005). «Нужно защищать общество»: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975/76 учебном году / Пер. с франц. Е. А. Самарской. СПб.: Наука.
- Фуко М. (2010). Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978/79 учебном году / Пер. с франц. А. В. Дьякова. СПб.: Наука.

---

22. Фуко прямо ссылается на «Наказ» Екатерины II (Фуко, 2011: 439–440).

23. Несмотря на значительные «дефициты» в практической реализации «полицейской утопии», имперская Россия XVIII — нач. XX века в политико-дискурсивном смысле являлась типичным «полицейским государством».

- Фуко М. (2011). Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977/78 учебном году / Пер. с франц. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука.
- Хабермас Ю. (2003). Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева и др. М.: Весь Мир.
- Шмитт К. (2013). Легальность и легитимность // Шмитт К. Государство: право и политика / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова. М.: Территория будущего. С. 221–305.
- Бейте К. (1991). Theorie der Politik im 20. Jahrhundert: Von der Moderne zur Postmoderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Bröckling U., Krasmann S., Lemke T. (Hrsg.). (2000). Gouvernamentalität der Gegenwart: Studien zur Ökonomisierung des Sozialen. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Chiang Yu-Lin (2003). Umdenken des Verfassungsstaates im Anschluß an Michel Foucault. Berlin: Tenea.
- Dreyfus H., Rabinow P. (1987). Michel Foucault: Jenseits von Strukturalismus und Hermeneutik. Frankfurt am Main: Athenaeum.
- Foucault M. (1978). Dispositive der Macht: Michel Foucault über Sexualität, Wissen und Wahrheit. Berlin: Merve.
- Foucault M. (2004a). Sicherheit, Territorium, Bevölkerung: Vorlesung am Collège de France 1977–1978. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Foucault M. (2004b). Die Geburt der Biopolitik: Vorlesung am Collège de France 1978–1979. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Giddens A. (1985). A contemporary critique of historical materialism, Vol. 2: The nation state and violence. Cambridge: Polity Press.
- Honnet A. (1989). Kritik der Macht: Reflexionsstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Joas H. (1996). Die Modernität des Krieges: Die Modernisierungstheorie und das Problem der Gewalt // Leviathan. Bd. 24. № 1. S. 13–27.
- Knemeyer Fr.-L. (1967). Polizeibegriffe in Gesetzen des 15. bis 18. Jahrhunderts. Kritische Bemerkungen zur Literatur über die Entwicklung des Polizeibegriffs // Archiv des öffentlichen Rechts. Bd. 92. S. 153–180.
- Knöbl W. (1995). Polizei und Herrschaft im Modernisierungsprozeß: Staatsbildung und innere Sicherheit in Preußen, England und Amerika 1700–1914. Frankfurt am Main: Campus.
- Krasmann S., Volkmer M. (Hrsg.). (2007). Michel Foucaults «Geschichte der Gouvernamentalität» in den Sozialwissenschaften. Bielefeld: Transcript.
- Lemke T. (1997). Eine Kritik der politischen Vernunft: Foucaults Analyse der modernen Gouvernamentalität. Hamburg: Argument.
- Mann M. (1986). The sources of social power, Vol. 1: A history of power from the beginning to AD 1760. New York: Cambridge University Press.
- Mann M. (1993). The sources of social power, Vol. 2: The rise of classes and nation states, 1760–1914. New York: Cambridge University Press.

- Menzel U.* (1992). *Das Ende der Dritten Welt und das Scheitern der großen Theorie.* Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Oestreich G.* (1969). *Geist und Gestalt des frühmodernen Staates.* Berlin: Duncker & Humblot.
- Pieper M., Rodríguez E.G.* (Hrsg.) (2003). *Gouvernementalität: Ein sozialwissenschaftliches Konzept in Anschluss an Foucault.* Frankfurt am Main: Campus.
- Reichert R.* (Hrsg.). (2004). *Governmentality Studies: Analysen liberal-demokratischer Gesellschaft im Anschluss an Foucault.* Münster: LIT.
- Schmitt C.* (1991). *Der Begriff des Politischen.* Berlin: Duncker & Humblot.
- Spohn W.* (2005). *Neue Historische Soziologie: Charles Tilly, Theda Skocpol, Michael Mann // Aktuelle Theorien der Soziologie: Von Shmuel N. Eisenstadt bis zur Postmoderne / Hrsg. von D. Kaesler.* München: C. H. Beck. S. 196–230.
- Stolleis M.* (1988). *Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland, Bd. 1.* München: Beck.
- Tilly Ch.* (1990). *Coercion, capital, and European states, AD 990–1990.* Cambridge: Blackwell.
- Wehler H.-U.* (1975). *Modernisierungstheorie und Geschichte.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Michel Foucault as a Researcher of “Police State”: A Program, Heuristic Problems, and Prospects of Study

Oleg Kildyushov

Researcher, National Research University Higher School of Economics

Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

The article offers an extended analysis of a research program outlined by Michel Foucault in his lectures at the Collège de France during the close of the 1970s. This program was focused on the society that was influenced by the practices of the absolutist state within the framework of a specific “governmentality” discourse. The introduction puts forward the basic problem of insufficient interest displayed by sociology towards particular historical forms in which the state monopoly on violence was realized. The first part of the article considers the “immanent” theory of power introduced by Foucault. The core of this theory relies on his thesis that relations between domination and subjugation pervade the entire social fabric, and results in the microphysical dimension of power coming out on top in social and political analysis. The central part of the article proposes a reconstruction of Michel Foucault’s views on such discursive phenomena of Modernity as the police, the science of policing and the police state (Polizeistaat). The article concludes with the declaration of the huge heuristic potential of concepts elaborated by Foucault in his analysis of power techniques in early Modern times for the general theory of Modernity and for the historical and sociological reconstruction of Russian imperial modernization in 18th to the 20th centuries as well, including the efforts taken by Peter I and Catherine the Great to use the police as a tool to govern Russia’s lagging westernization.

Keywords: microphysics of power, sovereignty, police state, governmentality, discipline, absolutism

References

- Beyme K. (1991) *Theorie der Politik im 20. Jahrhundert: Von der Moderne zur Postmoderne*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Bröckling U., Krasmann S., Lemke T. (eds.) (2000) *Gouvernementalität der Gegenwart: Studien zur Ökonomisierung des Sozialen*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Chiang Yu-Lin (2003) *Umdenken des Verfassungsstaates im Anschlußan Michel Foucault*, Berlin: Tenea.
- Dreyfus H., Rabinow P. (1987) *Michel Foucault: Jenseits von Strukturalismus und Hermeneutik*, Frankfurt am Main: Athenaeum.
- Dyakov A. (2013) *Mishel' Fuko i ego vremja* [Michel Foucault and His Time], Saint-Petersburg: Aleteija.
- Filippov A. (2012) *Policejskoe gosudarstvo i vseobshhee blago: k istorii odnoj ideologii. Stat'ja pervaja* [Police State and Common Good: Toward a History of One Ideology. Paper One]. *Otechestvennye zapiski*, no 2, pp. 328–340.
- Foucault M. (1978) *Dispositive der Macht: Michel Foucault über Sexualität, Wissen und Wahrheit*, Berlin: Merve.
- Foucault M. (1996) *Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality], Moscow: Kastal.
- Foucault M. (1998) *Rozhdenie kliniki* [The Birth of the Clinic], Moscow: Smysl.
- Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tjur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison], Moscow: Ad Marginem.
- Foucault M. (2004) *Sicherheit, Territorium, Bevölkerung: Vorlesung am Collège de France 1977–1978*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Foucault M. (2004) *Die Geburt der Biopolitik. Vorlesung am Collège de France 1978–1979*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Foucault M. (2005) *Nuzhno zashchitat' obshchestvo: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1975/76 uchebnom godu* ["Society Must Be Defended": Lectures at the Collège de France, 1975–76], Saint-Petersburg: Nauka.
- Foucault M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–79], Saint-Petersburg: Nauka.
- Foucault M. (2011) *Bezopasnost', territorija, naselenie: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977/78 uchebnom godu* [Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–78], Saint-Petersburg: Nauka.
- Giddens A. (1985) *A Contemporary Critique of Historical Materialism, Vol. 2: The Nation State and Violence*, Cambridge: Polity Press.
- Giddens A. (2005) *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturacii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration], Moscow: Akademicheskij proekt.
- Habermas J. (2003) *Filosofskij diskurs o moderne* [The Philosophical Discourse of Modernity], Moscow: Ves Mir.
- Honneth A. (1989) *Kritik der Macht: Reflexionsstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Joas H. (1996) Die Modernität des Krieges: die Modernisierungstheorie und das Problem der Gewalt. *Leviathan*, vol. 24, no 1, pp. 13–27.
- Kildyushov O. (2013) *Policija kak nauka i politika: o rozhdenii sovremennogo porjadka iz filosofii i policejskoj praktiki* [Police as Science and Politics: On the Birth of Contemporary Order from Philosophy and Political Practice]. *Russian Sociological Review*, vol. 12, no 3, pp. 9–40.
- Knemeyer Fr.-L. (1967) *Polizeibegriffe in Gesetzen des 15. bis 18. Jahrhunderts: Kritische Bemerkungen zur Literatur über die Entwicklung des Polizeibegriffs*. *Archiv des öffentlichen Rechts*, vol. 92, pp. 153–180.
- Knöbl W. (1995) *Polizei und Herrschaft im Modernisierungsprozeß: Staatsbildung und innere Sicherheit in Preußen, England und Amerika 1700–1914*, Frankfurt am Main: Campus.
- Krasmann S., Volkmer M. (eds.) (2007) *Michel Foucaults "Geschichte der Gouvernementalität" in den Sozialwissenschaften*, Bielefeld: Transcript.

- Lemke T. (1997) *Eine Kritik der politischen Vernunft: Foucaults Analyse der modernen Gouvernementalität*, Hamburg: Argument.
- Mann M. (1986) *The Sources of Social Power, Vol. 1: A History of Power from the Beginning to AD 1760*, New York: Cambridge University Press.
- Mann M. (1993) *The Sources of Social Power, Vol. 2: The Rise of Classes and Nation States, 1760–1914*, New York: Cambridge University Press.
- Menzel U. (1992) *Das Ende der Dritten Welt und das Scheitern der großen Theorie*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Miller J. (2013) *Strasti Mishelja Fuko* [The Passion of Michel Foucault], Yekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj.
- Oestreich G. (1969) *Geist und Gestalt des frühmodernen Staates*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Pieper M., Rodríguez E.G. (eds.) (2003) *Gouvernementalität: Ein sozialwissenschaftliches Konzept in Anschluss an Foucault*, Frankfurt am Main: Campus.
- Reichert R. (ed.) (2004) *Governmentality Studies: Analysen liberal-demokratischer Gesellschaft im Anschluss an Foucault*, Münster: LIT.
- Schmitt C. (1991) *Der Begriff des Politischen*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C. (2013) Legal'nost' i legitimnost' [Legality and legitimacy]. *Gosudarstvo: pravo i politika* [The State: Law and Politics], Moscow: Territorija budushhego, pp. 221–305.
- Senellart M. (2011) Kontekst kursa [Course context]. Foucault M. *Bezopasnost', territorija, naselenie: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977/78 uchebnom godu* [Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–78], Saint-Petersburg: Nauka, pp. 475–511.
- Spohn W. (2005) Neue Historische Soziologie: Charles Tilly, Theda Skocpol, Michael Mann. *Aktuelle Theorien der Soziologie: Von Shmuel N. Eisenstadt bis zur Postmoderne* (ed. D. Kaesler), München: C. H. Beck, pp. 196–230.
- Stolleis M. (1988) *Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland, Bd. 1*, München: C. H. Beck.
- Tilly Ch. (1990) *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990*, Cambridge: Blackwell.
- Wehler H.-U. (1975) *Modernisierungstheorie und Geschichte*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.